

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Фантазмагории в бременском винном погребе. Осенний подарок друзьям вина, стр. 2

– Господин сенатор Д.? Зачем он приходил? Он меня спрашивал?

– Нет, они только приказали взять пробы.

– Какие пробы, друг?

– Да с двенадцати и с Розы, – ответил старик, доставая штофики с длинными бумажными полосками на горлышках.

– Как? – воскликнул я. – Мне было сказано, что я могу пить вино, нацеженное тут же при мне из бочки.

– Да, но только в присутствии кого-либо из магистрата. Вот господин сенатор и приказали мне нацедить пробы; так, если вам угодно, я вам сейчас налью.

– Ни-ни, ни капельки, – прервал я его, – тут я ни рюмки не выпью, подлинное наслаждение пить прямо из бочки, а если сейчас нельзя, то я хоть у бочки выпью. Идемте, отец, забирайте ваши пробы, а я понесу свечу.

Я уже несколько минут наблюдал за странным поведением старого служителя. Он то глядел на меня и откашливался, будто порывался что-то сказать, то брал со стола штофики с пробами, совал их в свои обширные карманы, то нерешительно вытаскивал их обратно и снова ставил на стол. Мне это надоело.

– Ну, так когда же мы двинемся? – воскликнул я, всей душой стремясь в Апостольский подвал. – Долго вы еще будете возиться с вашими штофиками?

Серьезный тон, каким это было сказано, как будто придал ему смелости. Он ответил довольно решительно:

– Нет, сударь, сейчас нельзя! Сегодня уж никак нельзя!

Я подумал, что это обычный прием управителей, кастелянов и служителей при погребах, чтобы выманить у приезжих на чаек, и сунул ему в руку довольно крупную монету.

– Нет, я не для того, – сказал он, пытаюсь вернуть мне деньги. – Нет, сударь, не для того! Я вам все сейчас начистоту выложу: сегодня ночью меня не заставишь пойти в Апостольский подвал, ведь сегодня ночь на первое сентября.

– Ну, и что отсюда следует? Что за чепуха?

– Господи помилуй, можете думать, как вам угодно, но сегодняшнюю ночь там нечисто, ведь сегодня годовщина Розы.

Я так расхохотался, что загудели своды.

– Еще чего! За свою жизнь я не раз слышал о привидениях, но о винных привидениях что-то не слыхивал! Не стыдно вам, убеленному сединами, нести такой вздор! Но нечего разводить разговоры. Тут сенат полновластный хозяин. Сегодня ночью я могу пить в здешнем погребе где и когда захочу. Посему приказываю вам именем магистрата идти со мной. Отопри мне погреб Бахуса, старик!

Это подействовало. Без возражений, хотя и неохотно, взял он свечи и сделал мне знак следовать за ним. Сперва мы снова прошли через большой зал, затем через ряд меньших, пока наш путь не привел нас к узкому, со всех сторон сдавленному проходу. Шаги глухо отдавались в этом ущелье, а дыхание, отражаясь от каменных сводов, казалось отдаленным шепотом. Наконец мы очутились перед дверью, загремели ключи, дверь заскрипела и отворилась, свет озарил своды, передо мной на огромной винной бочке сидел любезный друг Бахус. Упоительное зрелище! Не очень-то изящным и красивым изобразили его бременские мастера, не прекрасным греческим юношей; не представили они его и старым и пьяным, отвратительным и пузатым, с закотившимися глазами и высунутым языком, как его богохульно увековечил общепринятый миф. Постыдный антропоморфизм, слепая людская тупость! Такой облик был у его жрецов, поседевших, служа ему, это их разнесло от блаженного веселья, это у них рдел нос пламенным отсветом багряного потока, это они замерли в немом восторге, вперив в небо остановившийся взгляд, – а люди приписали богу то, что украшало его служителей!

Иначе изобразили его бременские мастера. Жизнерадостный, веселый сидит наш холостяк верхом на бочке. Такой круглолицый, цветущий, пьяные глазки смотрят умно, задористо, видно, он не раз приложился к чарке, рот расплылся в широкой улыбке, короткая крепкая шея, все его небольшое тело дышит покойной, изобильной жизнью. Но особое искусство вложил создавший тебя мастер в обработку ручек и ножек. Так и кажется, что сейчас ты шевельнешь ручкой и прищелкнешь короткими пальчиками, а расплывшийся в широкой улыбке рот раскроется для веселого возгласа: уля-ля! Так и кажется, что в озорном пьяном веселье ты согнешь круглые колени, напружишь икры, пристукнешь пятками и пустишь галопом старую большую бочку, и все Розы, апостолы и другие меньшие бочки с гиком и улюлюканьем припустятся за тобой!

– Царю небесный! – воскликнул старик служитель, вцепившись в меня. – Вы что, не видите, как он ворочает глазами и болтает ножками?

– В своем ли вы уме, отец? – сказал я, бросив робкий взгляд на деревянного бога вина. – Вам померещилось. Просто на нем играет пламя свечей.

Но все же на душе у меня стало смутно. Я вышел вслед за стариком из Бахусова погреба. Не знаю, было ли то от мерцания свечей, был ли то обман зрения, только, когда я оглянулся, мне почудилось, будто он кивнул, дрыгнул вслед мне ножкой и весь затрясся, скорчился от сдерживаемого смеха. Я невольно устремился за стариком и постарался не отставать от него.

– А теперь к двенадцати апостолам, – сказал я. – Посмотрим, какого вкуса пробы там!

Он ничего не ответил, просто покачал головой, продолжая идти. Нам надо было подняться на несколько ступеней к маленькому погребу, к подземному небосводу, к блаженной обители двенадцати. Как далеко усыпальницам и склепам старых королевских замков до этих катакомб! Пусть стоят там саркофаг к саркофагу, пусть на черном мраморе воздается хвала тем, что почивают здесь в ожидании «радостного дня восстания из мертвых», пусть словоохотливый чичероне в траурном одеянии, с крепом на шляпе перевозит небывалое великопение того или иного праха, пусть он перечисляет отменные добродетели некоего принца, павшего в той или иной баталии, пусть повествует о нежной красоте княгини, на гробнице которой девственная мирта прильнула к полураспустившемуся бутону розы, – все это напомним нам, что мы смертны, возможно, даже исторгнет слезу, но насколько же трогательней эта опочивальня целого столетия, это последнее пристанище замечательного поколения! Вот они лежат перед вами в темно-коричневых простых гробах, без мишурного блеска, без позументов. Их скромным заслугам, их неприятательным добродетелям, их превосходному нраву не воздается хвала на мраморных досках, но какой же человек, ежели он хоть мало-мальски чувствителен, не умилится, когда старый сторож погреба – этот служитель здешних катакомб, этот кистер подземной церкви – поставит свечи на гробы, когда осветятся благородные имена великих усопших. Подобно властителям царств, они не нуждаются в перечислении титулов и фамилий; их имена просто написаны крупными буквами на их гробницах. Там Андрей, здесь Иоанн, в том углу – Иуда, а этом – Петр. Кто не умилится, услышав: здесь покоится благородный Ниренштейнец, 1718 года рождения, здесь – Рюдесгеймец, 1726 года рождения. Направо Павел, налево Иаков, добрый Иаков!

А в чем их заслуги? Вы еще спрашиваете? Разве вы не видите, как старик наливает в зеленый бокал, как он подает мне великолепную кровь апостола? Багряным золотом сверкает она в стакане. Когда его растило солнце на Йоганнесберге, оно было светлое, чуть золотистое.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Столетие сгустило его окраску! Какие слова найти, чтобы определить упоительный букет, который исходит от бокала? Соберите цвет всевозможных деревьев, сорвите все полевые цветы, прибавьте индийские пряности, опрыскайте амброй, окурите пахучей янтарной смолой эти прохладные подвалы, смешайте все эти тончайшие ароматы, подобно тому как пчела собирает

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) ... [14](#) >> [Дальше](#)